

У афинянина Лаоника Халкокондила идея смены мировых держав окрашена в иные тона. Ему чужд фаталистический и пессимистический взгляд на ход мировых событий. Его философия истории проникнута оптимизмом и патриотизмом. В противоположность Критовулу, который приветствовал турецкое завоевание и считал гибель византийского государства окончательной, Халкокондил верит в возможность возрождения греческой державы и греческой культуры. Он надеется, что капризное счастье когда-либо изменит туркам и вновь возвратится к грекам¹¹⁷. Глубокая вера в будущее торжество греческой свободы, культуры и образованности пронизывает мировоззрение одного из последних патриотов среди византийских писателей.

Туркофил Критовул, особо подчеркивая, что мировое господство, утраченное ромеями, никогда не может к ним возвратиться, тем самым стремится провозгласить неизбежность турецкого владычества, показать тщетность борьбы против турок, оправдать свое сотрудничество с ними¹¹⁸. Патриот Халкокондил призывает греков объединиться, восстановить свою свободу, что даст им возможность вновь встать во главе других народов и управлять теми племенами, которые теперь наступили ногой им на горло¹¹⁹.

Таким образом, Критовул в своей концепции хода мировой истории как неизбежной смены мировых держав отнюдь не оригинален, однако широко распространенные в византийской историографии идеи он использует в целях реабилитации политической направленности своего труда и общей историко-философской концепцией дает идейную мотивировку своего ренегатства.

Той же цели подчинено и настойчивое стремление Критовула доказать свою полную объективность, свою «любовь к истине»¹²⁰.

В этом отношении Критовул также не оригинален. Многие византийские и античные авторы начинали свои произведения с декларирования полной объективности и стремления к истине, что, конечно, не мешало им оставаться на определенных классовых позициях и давать тенденциозное освещение исторических событий.

У Критовула это расхождение между внешней, показной объективностью и явной тенденциозностью выражено особенно наглядно¹²¹. Декларация о полной объективности и беспристрастности отнюдь не вяжется с общим панегирическим тоном труда Критовула и с туркофильской окраской всего его произведения.

Критовул, по-видимому, опасался недоверия и упреков со стороны соотечественников и поэтому с таким упорством подчеркивал свое беспристрастие. Стремясь оправдать себя перед современниками и потомками, Критовул обращается к фактам прошлого и находит союзника в лице такого же, как он, ренегата — Иосифа Флавия. Критовул восхваляет Флавия за его правдивость и объективность, за то, что он не побоялся во имя истины изобразить поражение своего народа и торжество победителей.

«И таким же образом, — пишет он, — Иосиф Еврей, любитель истины (φιλαλήθης), будучи хорошо осведомленным в делах, восхваляет, стремясь к правде, в книге об осаде¹²² счастье и доблесть римлян и порицает

¹¹⁷ Laonici Chalcocondylae Historiarum... lib. I, p. 4—5.

¹¹⁸ Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. III, § 4.

¹¹⁹ Laonici Chalcocondylae Historiarum... lib. I, p. 5.

¹²⁰ Critobulus. De rebus gestis... lib., I, cap. III, § 7—8.

¹²¹ Ibid., § 4—8.

¹²² В книге об осаде Иерусалима.